

**Валерий
ВРОЖДСТВЕНСКИЙ**

г. Кемерово

КОРЕЙСКИЕ ИНСУРГЕНТЫ на Мурмане

историческое расследование

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ранним утром 19 января 1989 года, в большой православный праздник Крещения Господне, на окраине Горно-Алтайска во время строительных работ были обнаружены многочисленные останки людей азиатской и европейской рас.

Расследование происхождения этих останков показало, что они принадлежат расстрелянным в январе 1938 г. «врагам народа», обвинявшимся в шпионско-диверсионной деятельности.

В 1959 году в Горно-Алтайске проводилось расследование архивных дел, связанных со сталинскими репрессиями. Следователями Западно-Сибирского военного округа было установлено, что все дела, связанные с массовыми расстрелами в январе 1938 г., были фальсифицированы, а их жертвы являлись незаконно репрессированными людьми.

Но далеко не все дети и жены расстрелянных в Ойрот-Туре (Горно-Алтайске) людей узнали об этом и получили справки о том, что их отцы и мужья являются жертвами политических репрессий. Ведь все архивные «дела» были по-прежнему засекречены и допуск к ним был весьма ограничен или даже запрещен.

С тех пор прошло много лет. В 2018 г. по прика-

зу президента России Путина запрет на секретность архивных документов советского времени был снят, и некоторые из потомков расстрелянных в Ойрот-Туре людей (внуков и правнуков) смогли познакомиться со следственными делами. Вот только из них нельзя было понять, каково истинное происхождение этих людей и почему они были расстреляны на самом деле.

Среди 60 расстрелянных оказались 30 корейцев родом из Кореи и 10 маньчжурских китайцев. В следственных «делах» последних сказано, что они были завербованы в Харбине на строительство Мурманской железной дороги и оборонительных объектов в Архангельске. Во многих «делах» корейцев корейского происхождения также сказано, что они работали в 1916–1917 гг. на Урале, в Архангельске, в Мурманске и на строительстве Мурманской железной дороги. Вот только о том, что они были вольнонаемными и завербованы по договорам, не сказано ни в одном протоколе допроса. И это заставило автора, занимавшегося изучением этих «дел» по личным причинам, углубиться в историю Первой мировой войны, строительства Мурманской железной дороги и Гражданской войны на Урале и в Западной Сибири.

1

Отсутствие данных о вербовке ойротских корейцев на строительные работы в России в 1916–1917 гг. заставляет предполагать, что они были не вольнонаемными рабочими – как маньчжурские китайцы и корейцы, а интернированными по приказу царского правительства и царя Николая Второго. Их принудительно вывезли из Приамурского края во время Первой мировой (европейской, как тогда говорили) войны как потенциальных германских шпионов и злейших врагов Японии – союзника России во время Первой мировой войны.

Почти все расстрелянные в Ойротию корейцы происходили из разных городов, поселков и сел Северной и Южной Кореи. По возрасту и по происхождению они могли принимать участие в первой партизанской войне с японцами в составе партизанских отрядов «Армии Справедливости». Но эта война для них закончилась в 1915 г. по политическим причинам.

Корейские инсургенты (повстанцы) были вынуждены перейти из Маньчжурии в Амурскую область и сдаться русским властям.

Непродолжительное время они сидели в тюрьме Благовещенска вместе с гражданскими немцами и австрийцами, а потом были отправлены на дальние приамурские прииски.

Так как Россия и Япония с началом Первой мировой войны стали союзниками, с корейскими инсургентами, оказавшимися в Приамурском крае в 1915 г., русские власти особо не церемонились. Эти корейцы рассматривались на положении военнопленных и потенциальных шпионов. А шпионов отправляли, как правило, в северные районы Иркутской губернии, в Якутию и на самые дальние прииски Приамурского края. Так поступали, в частности, с немецкими и австрийскими гражданами, заподозренными в шпионаже, а также с турками, венграми и болгарками...

К концу 1914 г. в Якутию были сосланы 400 немецких и австрийских подданных и 115 турецких. Их разместили в лагерях для интернированных в Якутске, Олёкминске и в Вилюйске, стоявших на реке Лене. В иркутский Бодайбо были сосланы Петр Цой (Чхе Джэ Хён) – руководитель народного крыла корейской партизанской «Армии Справедливости» – и его товарищи по антияпонскому движению.

Япония воевала с Германией в тихоокеанском регионе и на северо-востоке Китая за свою колонию. Поэтому она считала всех корейских партизан потенциальными германскими шпионами и, кроме того, опасными военными преступниками. Она требо-

вала от своего русского союзника выдачи этих «шпионов» и «преступников» или ссылки их в дальние районы России. Поэтому генерал-губернатор Приамурского края Н.Л. Гондатти был вынужден на это пойти, несмотря на то что поддерживал стремление корейцев к независимости от Японии.

Можно сделать вывод, что Гондатти приказал в 1916 г. вывезти всех корейских инсургентов с дальних приисков Приамурского края вместе с маньчжурскими китайцами и корейцами в Архангельск и в Романов-на-Мурмане. Правда, архивных документов о существовании такого приказа не найдено. Возможно, что его и не было по причине секретности. Вместо письменного приказа Гондатти мог отдать устное распоряжение об этом военному губернатору Амурской области Хагандокову.

2

На строительстве Мурманской железной дороги одновременно работали 10000 маньчжурских китайцев и корейцев, нанятых по договорам в Харбине. Военнопленных из разных европейских стран было около 50000. Были также рабочие, прибывшие на стройку из США, Англии, Канады и т.д. Общее число русских, русскоязычных и иностранных рабочих доходило до 150000...

Отсутствие в разных источниках упоминаний о корейцах из Кореи на строительстве Мурманской железной дороги вызвало у автора очерка большое удивление. Может, они проходили по другому «ведомству»? Или упоминание о них есть в исторических статьях, посвященных строительству в Архангельске оборонительных сооружений?..

Информации об использовании в Архангельской губернии во время Первой мировой войны труда интернированных и военнопленных в свободном доступе в Интернете довольно много. Но конкретно о корейцах не говорится. Зато известно, что на строительстве железных и гужевых дорог в Архангельской губернии, а также новых участков Архангельского порта участвовало много вольнонаемных китайцев. Но о корейцах опять ни слова...

Вероятнее всего, корейцы, сосланные в Архангельск и в Мурманск, действительно проходили по «другому ведомству». То есть они могли значиться в списках интернированных, а не вольнонаемных. Такие списки могли являться секретными по каким-то причинам, и упоминаний о них в «гражданских» архивных документах попросту нет... Значит, надо идти другим путем.

Найдя карту Архангельской губернии за 1915 год, автор понял, что всех строителей Мурманской же-

лезной дороги везли на Кольский полуостров не через Москву и Петроград, а через Ярославль и Архангельск. А оттуда – морем до Семеновской бухты.

Из Ярославля шла Северная железная дорога, проходившая через несколько губернских городов до Архангельска. Но у этой дороги был один недостаток: она была узкоколейной. По ней можно было проводить пассажирские поезда, но невозможно большегрузные товарные. По этой причине и решили строить новую дорогу из Петрозаводска на побережье Кольского полуострова. Но пока до полуострова добираться нужно было морским путем через Архангельск.

Итак, бывших корейских партизан, сражавшихся с японцами в Маньчжурии, доставили через всю Российскую империю в Архангельск для временно-го проживания и работы.

В соответствии с положениями Гаагской конвенции об интернировании, подлежащие ему освобождались от трудовой повинности. Они могли работать, но только по своему согласию. Кроме того, интернированных нельзя было использовать на тяжелых работах, связанных с риском для жизни. Правда, интернированные корейцы об этом законе вряд ли что-то знали.

По этим причинам корейцев, вероятнее всего, планировалось использовать в Архангельске на «легком» труде. Например, на копке окопов для системы оборонительных сооружений Архангельского порта. Но потом, когда из Маньчжурии прибыли в очень большом количестве вольнонаемные китайцы, корейцев отправили морем в новый порт Романов-на-Мурмане. Именно там они должны были жить и работать, а не на прокладке железнодорожной трассы. Ведь в следственных «делах» ойротских корейцев записано, что они в 1916–17 годах работали в Мурманске. Или – как тогда говорили – в Романове-на-Мурмане...

Возможно, что кто-то из ойротских корейцев действительно работал на Мурманской железной дороге. Но опять же не на прокладке трассы в очень тяжелых геологических условиях, а также как австрийские и венгерские военнопленные – на строительстве мостов, станционных зданий и домов для размещения вновь прибывающих вольнонаемных рабочих.

Правда, надо было подтвердить эти выводы архивными документами, хранящимися в Госархиве Мурманской области. Если, конечно, они существуют.

А пока кое-что интересное автор может рассказать и о городе Романов-на-Мурмане.

Этот город-порт был основан на побережье Кольского полуострова в 1915 году как поселок

Семеновский. Но министр путей сообщения А.Ф. Трепов решил угодить царю и приказал переименовать маленький поселок в... город Романов-на-Мурмане. И царь, конечно, одобрил эту идею. Так 4 октября 1916 года на карте Российской империи появился новый город с гордым именем в честь русских царей из рода Романовых. Но это имя просуществовало совсем недолго. После Февральской революции этот город получил новое имя – Мурманск.

Романов-на-Мурмане строился как большой порт, предназначенный для приема военных грузов из Англии, США и других стран Антанты во время мировой войны. Поэтому в этом городе иностранных рабочих, моряков и военных было не меньше, чем русских, русскоговорящих и интернированных. Возможно, что именно по этой причине НКВД в годы сталинского террора подозревал всех, кто работал на строительстве порта в Романове-на-Мурмане, в вербовке со стороны иностранных разведок и спецслужб. В том числе и бывших корейских партизан.

Благодаря иностранным и русским фотографам сохранилось много фотографий, сделанных во время строительства порта и города Романов-на-Мурмане. Поэтому автор с большим интересом рассматривал эти снимки, размещенные в Интернете. Ведь где-то на этих снимках мог мелькнуть узкоглазый и смуглый человек, похожий на корейца... Но не мелькнул. Ведь фотографы снимали не интернированных, а вольнонаемных русских и иностранных рабочих, а также матросов и солдат с иностранных кораблей...

Европейцы, трудившиеся на прокладке железнодорожной колеи, на снимках выглядели все одинаково. Лица – очень загорелые и безбородые; на головах – фуражки с кокардами; в руках – лопаты с ручками; одеты в белые нательные рубахи или гимнастерки; у некоторых вместо ремня – подтяжки... Непонятно: то ли это русские солдаты, то ли немецкие военнопленные... Но если русские, то почему – безбородые? Может, так требовалось по санитарным нормам?

На некоторых фотографиях русские солдаты, работавшие в порту, сняты в вагонах-теплушках. Видно, что они жили в них...

На одном из снимков – Семеновская бухта с зашедшими в нее несколькими военными кораблями. Но не они привлекли внимание автора, а люди, шедшие с берега бухты, возглавляемые священниками с хоругвями... Как понял автор, этот крестный ход был посвящен основанию города и закладке храма в честь этого события. Честно говоря, очень мрачным было то место. Кругом го-

лые сопки и камни, покрытые пятнами свежего снега и пожухлой травой.

Так как лесов вокруг Семеновской бухты не было, строительные материалы для постройки жилых домов и портовых сооружений приходилось везти парходами из Архангельска. Поэтому на всех фотографиях того времени дома только деревянные и в один этаж. Правда, построены очень аккуратно и даже красиво. Не так, как строили в раннее советское время землянки в «нахаловках»...

На многих фотографиях сняты рыбацкие парусные лодки. Прямо как в Венеции! Видно, фотографам очень нравилось снимать такие виды. Их можно было продать иностранным морякам или солдатам в качестве фотооткрыток. Хороший это был бизнес для фотографов!

* * *

Кроме фотооткрыток с рыбаками, парусными лодками и сетями, на некоторых снимках запечатлены стада оленей, пасущихся на склонах сопки. Стада довольно многочисленны. Значит, местные лопари жили не бедно и промышляли оленеводством. Ведь оленьё мясо пользовалось большим спросом у всех строителей города и порта...

И вдруг... на одном снимке автор увидел портовых грузчиков, переносящих на себе мешки... Может, это корейцы, для которых перенос тяжестей на себе – привычное дело? Ведь в Корее на себе переносят даже покойников – в поисках красивого места для могилы.

К большому сожалению, разглядеть лица грузчиков в Мурманском порту времен Первой мировой войны на фотоснимке невозможно. Снимок сделан так, что видны сопки вдаль, и корабли у причала, и сложенные для перевозки мешки, но головы грузчиков, снятых издали, покрыты тряпками от пыли. Так что определить их национальность на этом снимке невозможно. Но с большой долей вероятности можно предполагать, что это корейцы. Только им разрешалось работать в порту по условиям безопасности. Ведь вольнонаемных в порт не пускали; иностранцы работали грузчиками не работали; военнопленные занимались строительными работами; китайцы трудились на прокладке железной дороги... Остаются интернированные корейцы и русские, так как им доверяли гораздо больше, чем китайцам-манзам. Ведь со времен Русско-японской войны корейцы считались самыми дисциплинированными и исполнительными – по сравнению с другими восточноазиатскими народами. Поэтому весьма возможно, что корейцы в Мурманском порту работали именно грузчиками. Тем более что

грузчики – традиционная работа для китайцев и корейцев в иностранных портах. Но так как маньчжурские китайцы прибывали на строительство Мурманской дороги по договорам, они не имели права работать в порту. Их удел – работа по колёну в грязи на прокладке трассы под железнодорожную колею. А интернированные корейцы легко соглашались работать грузчиками. Эта работа им была хорошо знакома. Поэтому в следственном «деле» ойротского корейца Ким Он Гена записано, что в Мурманске и в Петрограде в 1918 г. он работал на железной дороге грузчиком.

Но один снимок с корейским грузчиком на первом плане автор в Интернете все-таки нашел. Правда, он сделан французским фотографом в 1904 году в Японии. Кореец на снимке согнулся под тяжестью нескольких ящиков, похожих на оружейные или патронные. А позади него идут двое японских солдат в зимней военной форме. Идут и весело улыбаются, глядя на бедного корейца... Кореец же, похожий на мальчишку-подростка, не обращает внимания ни на фотографа, ни на японцев... Неужели он несет груз в 100 килограммов?!

* * *

Итак, можно смело утверждать, что интернированные корейцы в Мурманском порту работали грузчиками. К сожалению, других снимков с корейцами автор так и не нашел. Зато нашел одну очень художественную фотографию в стиле английского пикториализма. Называлась она «В забытом краю». На снимке был сфотографирован берег бухты с рыбацким баркасом на ближнем плане и покосившимся могильным крестом. Но от могильного холмика ничего не осталось. Видно, он сравнялся с землей в результате ураганных ветров и проливных дождей.

Такова была жизнь интернированных корейцев в Романове-на-Мурмане. В отличие от жизни интернированных английских солдат в швейцарских концлагерях.

* * *

Но на этом знакомство автора с историей Мурманска не закончилось.

На одном сайте он нашел много старых фотографий с комментариями сотрудника Мурманского областного краеведческого музея. И под одной фотографией был комментарий следующего содержания:

«К 1920 году население Мурманска составляло 2,5 тысячи человек. Из них – несколько сотен ки-

тайцев. Их поселок Шанхай был снесен только в 1937 году. Он был одним из самых неустроенных районов города. Часть китайцев уехала из Мурманска, часть была репрессирована, другие смешались с жителями разных районов города. Из других иностранцев в Мурманске было много корейцев, татар и финнов...»

Так и должно быть! Корейцы и финны – интернированные из районов боевых действий и подозрительные по условиям военного времени. Что касается татар, то они жили не только на Волге и в Сибири, но и на западных границах России. В том числе в Польше и в Прибалтике. А как они там оказались – это уже другой вопрос. Возможно, как ссыльные или в поисках заработка...

Чтобы подтвердить проживание корейцев в Мурманске во время Первой мировой войны и после Гражданской, автор послал письмо в Мурманский краеведческий музей.

Но пока ответ из Мурманска не пришел, автор в очередной раз зашел в Интернет и открыл сайт «Открытый список». Набрал в поисковике вопрос о репрессированных Мурманской области и с нетерпением стал ждать ответа.

Поскольку более всего в антияпонском движении участвовали корейцы с фамилиями Ким, Ли, Хан, запрос касался именно их.

И вот что он выяснил.

Репрессированных Кимов из Кореи в этой области не оказалось. Зато было двое российских корейцев, родившихся в Приморской области. Один был дорожным мастером, а другой... заведующим научно-исследовательской лабораторией треста «Апатит»... То есть коллегой автора – бывшего горного инженера и кандидата технических наук.

Кореец из Кореи с фамилией Ли был всего один. Он оказался мотористом судоремонтного завода.

Кореец из Кореи с фамилией Хан тоже оказался один. Он был кондитером. Как и остальные корейские корейцы, приговорен к высшей мере...

Остальные корейцы каким-то образом избежали репрессий 1930-х годов. Наверное, уехали из Мурманска вовремя – вместе с маньчжурскими китайцами и корейцами. А их убогие «фанзы» сожгли в августе 1937 года...

Кроме того, автор нашел в Интернете карту размещения самых больших лагерей для интернированных гражданских лиц из враждебных России стран. На карте были показаны места размещения граждан из Германии, Австро-Венгрии, Турции и смешанного типа (из разных стран).

В Архангельской губернии были лагеря для немцев и австро-венгров. Самый большой лагерь смешанного типа располагался в Вологодской губер-

нии. На Дальнем Востоке лагеря для немцев и австро-венгров располагались – как и предполагал автор – в Якутске, Благовещенске и в Хабаровске. В Западной Сибири самое большое количество немцев и австро-венгров было размещено в Тобольске. Весьма возможно, что и в знаменитой на всю Россию пересыльной тюрьме, на территории которой когда-то бывал несколько раз и автор в качестве православного паломника.

То, что в Благовещенске был лагерь или тюрьма для немцев и австро-венгров, еще не значит, что в них не было интернированных корейцев. Они, конечно, были, но проходили по «другому ведомству». Например, как бывшие инсургенты, воевавшие с японцами...

Предположение о том, что большинство корейцев из Мурманска уехали после Гражданской войны, подтвердилось.

На сайте «Комсомольская правда-Мурманск» рассказывалось о разных районах города, возникших в первой трети XX века. В частности, сказано, что первыми иностранцами в поселке Семеновском были 600 канадцев, для которых английская фирма, строившая порт, привезла морем полуцилиндрические домики в виде больших цистерн. Русские называли эти домики «чемоданами». Они напоминали крышки от швейных машин.

После канадцев, не справившихся со строительством и уехавших домой, появились 2000 казахов, 3000 китайцев и некоторое количество корейцев. Но сколько конкретно было корейцев, в статье не сказано. Можно сделать вывод, что их было гораздо меньше, чем китайцев. Особенно если вспомнить, что интернированных корейцев из Амурской области было не более 100 человек. Да еще столько же из Приморской области или немного больше. То есть, по приблизительным выводам, интернированных корейцев в Мурманск отправили не больше нескольких сотен...

* * *

Версия автора, что корейцы, работавшие в Мурманске, не были вольнонаемными рабочими, приехавшими за «длинным рублем», подтверждается тем, что в 1920 году большая часть мурманских корейцев на общем собрании, посвященном их отъезду из Мурманска, постановили уехать в Сибирь, чтобы воевать с японцами. И почти все уехали. Остались только те, что родились на русском Дальнем Востоке, имели русских жен и детей от них, а потому воевать с японцами не собирались. Но через 17 лет их отправил в Сибирь или на тот свет НКВД ...

Некоторые маньчжурские китайцы оставались в Мурманске до середины 1930-х годов. Они построили на берегу бухты убогие домишки из брошенных дощечек от ящиков, остатков распиленных досок, выловленных из моря бревен и фанеры, и жили на свой, маньчжурский, лад... В мурманском Шанхае были улицы: Аллея любви, Китай-дорога, улица Значных мест, множество пивнушек, китайских ресторанчиков и проституток разных национальностей, возрастов и цветов...

Официальное название мурманского Шанхая было «поселок Сунь-Ятсена».

Его присвоили китайскому стихийному поселению в честь первого президента Китайской республики и большого друга Советской России. Но в Мурманске это название не прижилось по весьма существенным причинам, о которых сказано выше. Ведь маньчжурские китайцы – это не китайцы из Пекина и даже не из Шанхая. Маньчжурия всегда славилась не своей тысячелетней культурой, а разбойниками и кровожадными хунхузами.

Поэтому маньчжурских китайцев называли манзами.

В 1930-х годах Япония легко оккупировала Маньчжурию и создала на ее территории свой протекторат – государство Маньчжоу-го. Но просуществовало это марионеточное государство очень недолго. В 1945 году оно развалилось под ударами Красной армии.

Такая же судьба была и у мурманского «Шанхая». С начала 1930-х годов город стал застраиваться по плану двух- и трехэтажными деревянными и кирпичными домами. Поэтому «Шанхай» постепенно сносился. И к 1940 году от него остались лишь отдельные домики на краю новых улиц.

Что касается самих китайцев-манз в Мурманске, то их участь была незавидной. Как и большинство корейцев, они были расстреляны или отправлены в ГУЛАГ в годы сталинских репрессий.

В общем, автор нашел то, что так долго искал. Если документ 1920 года о решении мурманских корейцев поехать на войну с японцами сохранился в Госархиве Мурманской области, то его нужно срочно скопировать и представить в РОО потомков корейских патриотов. Этот документ может служить неоспоримым доказательством того, что ойротские корейцы – бывшие участники партизанской корейской войны, а не беженцы с Дальнего Востока.

Но и «китайскую» тему автору никак не обойти. Тем более что корейцы воевали с японцами после 1910 года в китайской Маньчжурии, а не в японской Корее. И ехали они в Архангельск с китайцами на одном поезде.

Оказавшись на Кольском полуострове, некоторые корейцы участвовали вместе с китайцами в строительстве Мурманской железной дороги. А когда произошел Октябрьский переворот, то эти китайцы и корейцы поехали по новой дороге в Петроград, а оттуда ушли на Гражданскую войну воевать за власть Советов. И воевали маньчжурские китайцы и корейцы так, что их боялись и белые, и зеленые.

Среди 60 человек, расстрелянных в Ойрот-Туре 12 января 1938 года, оказались 10 маньчжурских китайцев. Все они имели опыт строительства Китайской Восточной железной дороги. А потому легко согласились поработать еще раз на Россию. Вот только из-за своей безграмотности они абсолютно не знали, куда собирались ехать. Думали, что климат на Кольском полуострове не хуже, чем в Амурской области. А Амурскую область они знали даже лучше русских. Ведь добирались в поисках золота до самой Якутии и болот Алдана.

В отличие от интернированных корейцев, китайцы не имели права работать в порту Романова-на-Мурмане. Их отправили на прокладку северного участка Мурманской железной дороги, шедшего через болота и скалы Колы. Естественно, китайцы копали трассу под железную дорогу не с помощью американских экскаваторов, а простыми лопатами и кирками. И отвозили вырытый грунт не на паровозах, а на тачках...

Фотографии китайцев, работавших на строительстве Мурманской железной дороги, в Интернете есть. И китайцы не выглядят на снимках унылыми и подавленными. Ведь русские начальники обещали им заплатить за сезонную работу в течение лета самые дорогие в мире русские рубли. И за эти рубли китайцы работали как китайские волю...

Но из-за очень холодного климата Кольского полуострова жизнь в наскоро построенных военнопленными бараках сопровождалась постоянными простудами и тяжелыми болезнями. Бараки ставились часто просто в болотную воду и даже не имели полов. Крыши бараков протекали, окон вообще не было. Рабочие спали на нарах, а обеды – за неимением столов – на улице. Правда, маньчжурские китайцы к таким условиям были привычны, но они не знали северной природы и климата. Работали китайцы по 10 с лишним часов, а получали за труд... 30-40 копеек в день.

В договорах о найме китайцев было сказано, что питанием они должны обеспечивать себя сами. Наверное, китайцы собирались охотиться в кольских лесах. Вот только охотиться было не на кого. Поэтому маньчжурам приходилось собирать грибы (часто несъедобные), ягоды (часто ядовитые), раз-

ных насекомых (вплоть до тараканов) и охотиться – на сусликов, крыс и мышей... В том числе и на зараженных опасными вирусами...

Вследствие такого питания и невыносимых условий жизни многие китайские рабочие болели тяжелыми инфекциями, цингой, воспалением легких и очень часто умирали.

Больных китайцев и умерших отправляли обратно в Архангельск, где вскоре появилось китайское кладбище. А здоровых, сбегавших со стройки, возвращали на работу с помощью нагаек и ружей. Но массовые бегства не прекращались и требовали усиления вооруженной охраны. Пришлось руководителям стройки нанимать стражниками даже кавказцев и казахов, вообще не говоривших по-русски. Поэтому у таких стражников был один способ разговора с китайцами – с помощью нагаек и сабель. Правда, саблями были плоской стороной, а не острой...

Выздоровевших в Архангельске китайцев, отказывавшихся возвращаться на строительство Мурманской дороги, стали использовать на копке оборонительных траншей и окопов вокруг Архангельского порта. Хотя это было запрещено по условиям Гаагской военной конвенции. Но, терпя на фронтах мировой войны поражение за поражением, русское военное командование плевало на эту конвенцию.

Поэтому, когда в Петрограде произошел Октябрьский переворот и Временное правительство пало, тысячи китайцев поехали по только что построенной Мурманской дороге в Петроград и в Москву и стали в массовом количестве вступать в интернациональные отряды Красной гвардии и Красной армии. Вместе с ними, естественно, воевали на фронтах Гражданской войны и бывшие корейские партизаны.

3

Автор решил поискать во Всемирной Сети видеofilm на тему ссылки интернированных в Романов-на-Мурман. Но так и не нашел. Вместо этого он нашел небольшой документальный фильм мурманского режиссера о городе Романов-на-Мурмане. О том, что он был основан на древних землях, принадлежавших когда-то очень злым и жестоким норманнам. То есть предкам современных норвежцев и шведов. Они сами не хотели жить на пустынных землях на краю земли, но и другим не давали там жить – проклятые! И так было до тех пор, пока 1000 лет назад на норманнских землях, омываемых Ледовитым океаном, не появи-

лись русичи... Тот очень наивный народ, что пригласил править своими землями злых варягов.

Русские на кольских землях так хорошо прижились, что дожили до начала XX века. Построили несколько рыбацких деревушек, гордо называемых городами. Царь Петр Великий освободил жителей этих самых северных русских городов от всех налогов, податей и призыва на военную службу. Лишь бы жители этих «городов» ловили рыбу в Белом море, охотились на соболей и разводили стада северных оленей.

И так продолжалось до тех пор, пока министр путей сообщения Александр Федорович Трепов не возмечтал создать на берегу Кольского залива новую Северную Венецию! Названную по фамилии династии русских царей Романовых...

Автор несколько раз просмотрел также статьи, посвященные Первой мировой войне в Заполярье.

В истории этой войны есть одна очень темная и очень трагическая страница, которая заставила автора серьезно задуматься.

Среди нескольких статей он нашел одну, которой не придал большого значения вначале. Ведь в ней рассказывалось не о строительстве порта на Мурмане, а о взрывах двух грузовых кораблей в Архангельском порту в октябре 1916 года и в январе 1917-го. Оба взрыва, приведшие к массовой гибели людей и огромным разрушениям, были признаны диверсионными актами, но заказчиков их найти не удалось. Арестованы были только «стрелочники», признавшие в своей вине после допросов с «пристрастием»...

В одной интернет-статье, посвященной воспоминаниям известного русского оружейника В.Г.Федорова об Архангельском и Мурманском портах в 1915–16 годах, описывалось состояние этих портов в условиях военного времени. Судя по всему, там царила обычная русская неразбериха. Это и привело к ужасным последствиям взрывов...

Все прибрежные улицы Архангельска были завалены различными материалами и военным снаряжением. Площадь вокруг собора была забита громадными кругами колючей проволоки для ограждений. Здесь же громоздились ящики с боеприпасами...

Сам порт, располагавшийся в нескольких километрах от города, представлял собой сеть железнодорожных линий и веток, примыкавших к деревянным пристаням. Прямо тут располагались склады, сараи, амбары для хранения грузов, груды каменного угля, громадные ящики с различным заводским оборудованием. Штабелями лежали ящики с винтовками, патронами, гранатами и снарядами, мешки с порохом... То есть в Архан-

гельске, да и в Мурманске тоже, условия для совершения диверсионных актов были прекрасные.

Но русское военно-морское командование на все это смотрело сквозь пальцы, озабоченное совершенно другими проблемами. В первую очередь тем, что российские вооруженные силы терпели на многих фронтах одно поражение за другим. Так что в воздухе Мурманска и Архангельска уже витал Злой дух приближающейся Революции...

* * *

После Октябрьской революции и Гражданской войны все следственные дела, связанные с дореволюционным периодом, были прекращены. Но память о диверсионных актах в русских портах во время мировой войны не забылась. Тем более что в ВЧК-ОГПУ-НКВД работало много бывших царских офицеров и контрразведчиков. И по их инициативе тема германских и японских шпионов в Красной армии и на флоте была поднята снова. В том числе и в отношении бывших корейских партизан, многие из которых трудились на оборонных предприятиях, рудниках, шахтах и приисках СССР.

Некоторые из интернированных корейцев во время Первой мировой войны действительно находились в Архангельске и могли быть причастны к диверсионным актам. Ведь корейские партизаны, бывшие офицеры и солдаты корейской армии были большими специалистами по диверсиям. Они могли мстить царю Николаю Второму за предательство по отношению к императору Коджону и ко всему корейскому народу. А в советское время – отомстить Сталину за его ложь об освобождении Кореи от японского рабства. А чтобы эта месть не была осуществлена, надо сработать на опережение. Сначала наградить корейцев и поздравить с трудовыми успехами в деле строительства социализма, а потом... всех расстрелять – чтобы другим неповадно было! Так, кстати, и произошло с одним из ойротских корейцев – Ким Он Геном. В 1923 г. его уволили из ГПУ Тюмени и исключили из РКПб «за пьянку». Поэтому ему и его товарищам пришлось ехать в Бийск и устраиваться на работу в старательские артели в Горной Шории и в Горном Алтае.

За успехи в добыче золота Ким Он Гена в 1936 году восстановили в партии и послали на крымский курорт поправить здоровье. Фотография с этого курорта долгие годы хранила дочь Ким Он Гена. Но потом, правда, снимок исчез при невыясненных до сих пор обстоятельствах. В следующем 1937 году Ким Он Ген был арестован, а потом и расстрелян как «японский шпион и диверсант».

* * *

В результате своих поисков автор совершенно случайно нашел в Интернете вместо указа об интернировании корейских инсургентов на строительство Мурманской железной дороги... телеграмму царя Николая Второго следующего содержания:

«Капитану второго ранга Рощаковскому. Кола. 14 января 1916 г. Из ЦАРСКОЙ ставки. Поручаю вам проехать по линии строящейся (так в телеграмме. – Прим. автора) Мурманской железной дороги передать Мое спасибо за самоотверженный труд и объяснить им (так в телеграмме. – Прим. автора) государственное значение этой работы.

Николай»

Нашелся и еще один документ. Правда, его содержание разочаровало автора. Ведь в нем утверждалось обратное его предположениям по поводу работы корейцев на строительстве Мурманской дороги.

Этот документ назывался так: «Объявленное Высочайшее повеление Военным министром. 6 июля 1916 года».

Документ был большим, поэтому автор перескажет его в краткой форме.

На время войны для работы по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии и для других оборонных работ следовало привлечь инородческое население мужского пола от 19 до 43 лет включительно, кроме бродячих инородцев и других инородцев, проживающих на территории Амурской, Приморской, Камчатской, Сахалинской, Якутской и других областей Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Уточнение данного повеления и его исполнение в соответствии с ранее утвержденными документами возлагалось на министров внутренних и военных дел Российской империи.

Вот так!

Это означало, что Николай Второй не приказывал отправлять на строительство Мурманской железной дороги российских корейцев, проживавших постоянно в Восточной Сибири, в Приамурском крае и в других областях Дальнего Востока. А приказал отправлять разных «инородцев», проживавших на территории Западной Сибири, Урала, Средней Азии и европейской части России. Среди них были даже горцы с Кавказа, служившие на строительстве Мурманской дороги стражниками.

Найденный в Интернете документ был опубликован в сборнике «Собрание узаконений и распоря-

жений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате» за 1916 год. Хранятся этот и другие такие же сборники в Государственной исторической публичной библиотеке в Москве. Для тех, кто живет в столице, эти сборники легко просмотреть. Кроме того, в ГИПБ есть электронные копии правительственных приказов по различным ведомствам до Октябрьского переворота 1917 года.

Довольно легко автор нашел электронную копию сборника приказов по военному ведомству за 1916 год. Правда, в этом сборнике оказалось... 1009 страниц! Но автор имел уже опыт изучения электронных копий старых советских газет, а потому смело взялся за дело. Благо, что ему нужно было найти правительственные указы за период с 1 июля 1916 года.

И вот что ему удалось узнать благодаря новым цифровым технологиям.

Следует отметить, что военное ведомство (министерство) во времена царствования Николая Второго превратилось в громоздкое бюрократическое учреждение, в работе которого очень трудно разобраться человеку XXI века. Оно было завалено огромным количеством различных постановлений и приказов, имеющих к мировой войне только косвенное отношение. Поэтому чиновники этого ведомства занимались переливанием «из пустого в порожнее», совсем не замечая надвигающуюся на Россию большую беду... Прошляпили, одним словом!

Первое постановление в соответствии с царским указом о привлечении инородцев к оборонительным работам в районах боевых действий было издано 8 августа 1916 года. Но это постановление касалось в первую очередь не самих инородцев, а военных, их сопровождающих от приемных пунктов до сборных: довольствия, обмундирования и расходов в пути следования. Что касается инородцев, то они в пути следования и на местах работ приравнивались к нижним военным чинам с соответствующим обеспечением.

На приемных и промежуточных пунктах в пути следования вся ответственность за организацию сбора и отправки инородцев возлагалась на уездных и иных военных начальников.

Вот только про интернированных, привлекаемых к оборонительным работам, в этом постановлении ничего не сказано.

30 октября 1916 года были утверждены правила использования инородцев на оборонительных и иных работах. Правила довольно обширные и нет смысла их все перечислять. Тем более что они не касались инородцев Приамурского края и интернированных корейцев.

Возможно, что приказы об интернированных нужно было искать в постановлениях военного ведомства за 1914 или 1915 год.

Сначала автор открыл файл со сборником за 1915 год. Но не стал листать все подряд страницы, а решил найти в словаре терминов и названий те страницы, где упоминались слова «интернирование», «инородцы», «золото». На слово «золото» имеется циркуляр № 108 «Принятие мер к увеличению золотого запаса в учреждениях Государственного банка или казначейства». На слово «инородцы» никаких приказов, циркуляров или актов не оказалось. Как и на слово «интернирование». И как это понимать?.. Выходит, что в постановлениях, указах и циркулярах ни о каких действиях или решениях по этим вопросам не говорится?.. Очень странно! Или автор не то и не там искал?

Но самое удивительное то, что за 1914 год сборника военных указов и приказов вообще не оказалось! Или он хранится в совершенно другом месте или по совершенно другому ведомству. Например, в архивах ФСБ или Министерства обороны Российской Федерации. И получить доступ к этому сборнику в публичной исторической библиотеке невозможно. То же самое произошло и со сборниками постановлений Министерства внутренних дел. Или их все пожгли во времена Октябрьской революции, или так далеко запрятали от современных граждан России, что эти документы очень трудно найти не только в Интернете, но и в российских исторических архивах. Кроме того, существовали сборники секретных документов Министерства внутренних дел и военного ведомства, пользование которыми до сих пор ограничено.

Придется надеяться на случай или на провидение Божье. Или вообще отказаться от поисков документов времен Первой мировой войны. Слишком уж трудоемкое это дело.

Но, подумав, автор пришел к выводу, что в его положении и отрицательный результат – это тоже результат.

Автор решил продолжить поиски в Интернете независимо чего и неизвестно зачем. Вдруг ему повезет и он найдет целую кучу «золотого песка»?!

Но вместо «золотого песка» он нашел несколько сборников законодательных актов, вызванных войной 1914–1916 гг. И стал листать их потихоньку...

На странице 721 сборника с января по сентябрь 1915 года автор обнаружил постановление Совета Министров о переселении на казенные земли в Азиатской России русских галичан.

Им предлагалось получить материальную компенсацию на безвозмездной основе для переезда из районов боевых действий с германской и

австрийской армиями. Но поедут ли русские галичане в холодную и полудикую Сибирь из прекрасной и теплой Галиции?! Очень сомнительно. Они будут ждать окончания войны и победы любой из двух сторон. То ли России, то ли Австрии... А это пахнет потенциальным шпионажем в пользу враждебной для России стороны. Вот так началась шпиономания в русском государстве и поиск потенциальных врагов русского народа!

В сборнике с сентября 1915 года по март 1916 внимание привлекли всего два постановления: о запрете вывоза золота и платины из страны во всех видах и изделиях; об установлении в Архангельском морском порту и в акватории Белого моря военного управления. То есть это постановление касалось также и строящегося Мурманского порта.

В сборнике с марта по сентябрь 1916 года интересных постановлений стало больше. По этим постановлениям можно было сделать вывод о том, что европейская война для России стремительно двигалась к своей развязке.

Естественно, не в сторону Великой Победы...

Так, 10 июня 1916 года председателем Совета Министров Б.В. Штюрмером был подписан указ о создании Особого комитета по борьбе с немецким засильем во всех сферах российского общества. Члены этого комитета могли вмешиваться во все решения и действия правительства и Государственной думы для предотвращения «вредительских действий» со стороны выходцев из Германии и Австрии. Самое интересное, что подписал этот указ человек с немецкой фамилией!

Интересное постановление за подписью Николая Второго было опубликовано 7 мая 1916 года. В нем говорилось о ссылке всех иностранцев из враждебных России стран на три года в следующие районы Азиатской части России: Тобольскую, Томскую, Енисейскую, Иркутскую губернии, а также в Якутскую область (за исключением пограничных уездов). Исполнение этого постановления было поручено министру внутренних дел.

И еще более интересное постановление оказалось изложено Правительственному Сенату 23 июня 1916 года министром юстиции.

В этом постановлении говорилось о соглашении между министром иностранных дел России Сазоновым и послом Японской империи Мотоно. Ввиду особой важности этого соглашения автор приводит его в очерке полностью:

«Министр Иностранных Дел, отношением от 23 июня 1916 года за № 579-о IV, уведомил, что с Высочайшего соизволения, последовавшего 27 мая 1916 года, названным Министром совместно с японским Послом при Высочайшем Дворе под-

писано 20 того же июня политическое соглашение, касающееся взаимоотношений России и Японии на Дальнем Востоке (Предложено 6 июля 1916 года).

Императорское Российское Правительство и Императорское Японское Правительство, решив объединить свои усилия для поддержания постоянного мира на Дальнем Востоке, уславливаются о нижеследующем:

Статья I.

Россия не примет участия ни в каком соглашении или политическом сочетании, направленных против Японии.

Япония не примет участия ни в каком соглашении или политическом сочетании, направленных против России.

Статья II.

В случае если бы что-либо угрожало территориальным правам или особым интересам на Дальнем Востоке одной из Договаривающихся Сторон, признанным другой Договаривающейся стороной, Россия и Япония согласятся между собой отнестись друг к другу поддержки и содействия для охраны и защиты сказанных прав и интересов.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся, надлежаще уполномоченные своими Правительствами, подписали сию конвенцию и приложили к ней свои печати.

Учинено в Петрограде 20 июня – 3 июля 1916 года, что соответствует третьему дню седьмого месяца пятого года Тайсио.

(Подпись) Сазонов (Подпись) I. Мотоно

(М.П.) (М.П.)

Собрание Узаконений № 190, 12 июля 1916 г., стр. 1579

После прочтения текста этого соглашения у автора на несколько минут выросли крылья как у альбатроса. А также широко открылись глаза на то, как развивались события 1915–1916 гг. вокруг бывших корейских партизан.

Когда отряды принца Ли Бом Юна перешли Амур летом 1915 года, то партизан вначале посадили в Благовещенскую тюрьму. Японцы узнали об этом и через своего посла Мотоно выразили правительству России гневный протест, потребовав выдать инсургентов властям японской Кореи. Но генерал-губернатор Гондатти не хотел этого. Он решил выслать корейцев на дальние золотые прииски Приамурского края. Тем более

что российское правительство в середине 1915 года разрешило принимать корейцев на дальневосточные прииски. В том числе на прииски Приамурского края и Якутии.

А дальше события развивались так.

Постановление об интернировании иностранцев враждебных России стран было от 6 мая 1916 года. А соглашение о взаимопомощи России и Японии подписано 20 июня того же года. Отсюда закономерен вывод о том, что после 20 июня Совет Министров России должен был внести изменение в постановление об интернировании, добавив к немцам, австрийцам, венграм, туркам, болгарам еще и корейских инсургентов – самых злостных врагов Японии. Вот только отправлять их следовало не в Якутию и даже не в Иркутскую губернию, а на самый дальний запад России – на Кольский полуостров!!!

После заключения соглашения о взаимной помощи между Россией и Японией в июле 1916 года российское правительство должно было сделать широкий жест в сторону своего восточного союзника. И первым шагом к этому стало постановление о высылке всех корейских инсургентов, политических эмигрантов и заподозренных в германском шпионаже на строительство Мурманской железной дороги.

Значит, надо это постановление найти! Если только оно не было секретным или... его вообще не было, а был только устный приказ Гондатти об этом.

Но для начала можно ограничиться приказом по золотым приискам за 1915 год. И это, конечно, сделать гораздо легче, чем искать секретное дополнение к приказу об интернировании «враждебных» корейцев.

Так оно и оказалось.

В Ленинграде в 1950-х годах были сделаны фотоконии секретных документов и переписки председателя Совета Министров И.Л. Горемыкина с министром внутренних дел Н.А. Маклаковым.

В частности, 6 мая 1915 года последний поставил вопрос перед Горемыкиным о запрете приема китайцев и корейцев на каменноугольные копи, рудники и золотые прииски всей России. Мотивировал министр свое предложение тем, что все китайцы являются потенциальными немецкими шпионами из-за своей патологической продажности. И к тому же являются разносчиками тяжелых инфекционных заболеваний, что крайне опасно в условиях военного времени. У китайцев отсутствует дисциплина и имеется склонность к бунтам и бегству с российских предприятий. А потому Маклаков предложил запретить прием китайских и корейских рабочих по всей террито-

рии России до окончания европейской войны.

Но Горемыкин не был склонен к такому «революционному» решению. В своем ответе Маклакову он сообщил, что вопрос о китайских и корейских рабочих был решен на заседании Совета Министров 21 апреля 1915 года. В соответствии с ним прием «желтых» рабочих на предприятия горной промышленности разрешен к востоку от меридиана Волги. То есть для всей азиатской части России.

Постановлением Совета Министров от 21 апреля 1915 года воспользовался генерал-губернатор Приамурского края Н.Л. Гондатти. После требования японского посла Мотоно о выдаче корейских инсургентов, сидевших в Благовещенской тюрьме, Гондатти приказал отправить корейских инсургентов «в отдаленные районы Приамурского края» – вместо выдачи их японцам на расправу.

Вот только бы найти доказательства того, что корейские партизаны в 1915 году действительно сидели в Благовещенской тюрьме. А это не так-то легко сделать! Ведь многие документы во время Гражданской войны в Амурской области были уничтожены. То ли красными, то ли белыми, то ли желтыми... По этим причинам автор решил вначале найти дополнение к приказу № 166 от 7 мая 1916 года.

К сожалению, сделать это не удалось из-за отсутствия нужных сведений в законодательных актах по сентябрь 1916 года. А более поздние сборники этих актов вообще отсутствовали в ГПИБ.

Кроме того, нужные автору документы наверняка были секретными. И их нужно искать не в опубликованных сборниках законодательных актов, а в документах российских исторических архивов.

Но в условиях пандемии коронавируса это очень трудно было сделать. Ведь сколько автор ни обращался через Интернет в Российский государственный архив, так ни разу и не получил даже простого ответа.

4

В январе 1916 года при Совете Министров Российской империи было создано совещание для определения мер по привлечению на работы в европейскую часть России «желтых» китайцев и корейцев. Это совещание, состоявшее из представителей разных министерств и ведомств, завело специальный журнал, в который заносились все предложения и мнения по этому очень важному вопросу. Журнал сохранился в архиве РГИА, и с его документов в 1930-е годы были сняты фотоконии. Сейчас эти копии размещены в Интернете и их может просмотреть каждый желающий. У кого, конечно,

хватит терпения. Ведь этот журнал имеет 200 с лишним страниц!

Судя по содержанию журнала, организация массовых перевозок китайцев и корейцев из Маньчжурии и Приамурского края стала настоящей эпопеей мирового уровня. Ведь за два года на работы в европейскую часть России было перевезено по Транссибирской магистрали более 200 тысяч человек. А может, и больше!

Но царь Николай Второй не знал о том, что ждет его и его империю после Октябрьского переворота. И даже не задумывался о том, что эти китайцы и корейцы станут... могильщиками для него и для всей русской монархии. Действительно, добрыми намерениями выслана дорога в Ад! Организация отправки китайцев и корейцев по КВЖД и Транссибу была поручена генерал-губернатору Приамурского края Гондатти. Нужно было создать на нескольких станциях сборные пункты для приема «желтых» рабочих и пункты санитарного контроля и дезинфекции. Для этого требовались вооруженные солдаты-охранники во главе с офицерами, врачи и пограничники для паспортного контроля.

Столкнувшись с большими проблемами на первоначальном этапе отправки «желтых» рабочих, Гондатти добился того, что все организационные работы были перепоручены руководству КВЖД.

2 марта 1916 года Совещание утвердило порядок перевозки «желтых» рабочих в европейскую часть России. 4 апреля журнал просмотрел Николай Второй и поставил на нем свою подпись. С этого времени и началась эпопея, продлившаяся до самой осени 1917 года.

В письме от 1 июня 1916 года министра финансов П. Барка председателю Совета Министров Б.В. Штюмеру упоминается, что «желтый» труд стал широко использоваться на строительстве железных дорог и военных объектов. В частности, на прокладке дороги «Петрозаводск–Кемь» и Мурманской железной дороги. При этом в день по Транссибу мог проходить только один состав. Он перевозил около 500 человек в товарных вагонах, рассчитанных на 40 пассажиров с вооруженной охраной. Поэтому для того, чтобы перевезти из Маньчжурии и Приамурского края 200 тысяч рабочих, требовалось около 7 месяцев. То есть транспортировка такого количества «желтых» должна была растянуться на целый год и даже больше...

Национальные паспорта у китайцев и корейцев отбирались на пунктах сбора, и вместо них сопровождающему офицеру выдавались списки рабочих в каждой отдельной партии. Паспорта должны были выдаваться только по возвращении из России.

Никаких упоминаний о корейских инсургентах в донесениях, письмах и справках, хранившихся в журнале, нет. Можно только предполагать, что все они были отправлены в Архангельск одним поездом вместе с вольнонаемными китайцами и корейцами. Ведь всех инсургентов в Приамурском крае было не более 200 человек. А может, и меньше ввиду того, что не всех отправили на принудительные работы по разным причинам. Кто-то не поехал по болезни или слабосильности, а кто-то по причине бегства с золотых приисков...

В Архангельской губернии в трех уездах (Шенкурском, Пинежском, Печорском) существовали лагеря для интернированных общей численностью в 800 человек. Можно предполагать, что в одном лагере находились немцы, в другом – австрийцы, в третьем – венгры, чехи и словаки. Но сказать уверенно, что в одном из этих лагерей были временно размещены интернированные корейцы, нельзя. Эти лагеря располагались на большом удалении от губернского города. Самый ближний из этих лагерей находился в Пинежском районе, который был от Архангельска в двухстах верстах. Скорее всего, интернированных корейцев разместили вместе с китайцами во временном лагере на окраине Архангельска перед морской отправкой в Романов-на-Мурмане. Например, в печально известном районе Бакарица. На окраине его существовало несколько «городков», в которых жили строители военного порта и портовые рабочие. В том числе и «желтые», присланные с Дальнего Востока.

В Архангельске нашлись также следы «инородцев» из Восточной Сибири, присланные для строительства на острове Мудьюг временного порта. Там работали буряты, совершенно не приспособленные к условиям Крайнего Севера, а также русские крестьяне, призванные в трудовую армию. Естественно, что производительность труда у тех и у других была очень низкой. Поэтому им на помощь приходили, как всегда, вольнонаемные китайцы, готовые трудиться за русские рубли как маньчжурские вола... Корейцы же в Архангельске работали на строительстве оборонительных сооружений вокруг порта. Среди них были и расстрелянные впоследствии в Ойротии. В частности, герой корейской партизанской войны Ким Чун Ха, захвативший со своим отрядом повстанцев в 1908 году пограничный корейский город Мусан и два месяца удерживавший его от японцев.

Ничего другого автор не может добавить о том, как проходила транспортировка корейцев по Транссибу в европейскую Россию. Он может только сказать, что эта давняя история так и просится в большой кинематограф. Китайские и корейские

режиссеры легко могли бы поставить настоящий блокбастер о том, как шел грузовой поезд через всю Евразию. А если в том поезде ехали корейские инсургенты и тайные германские, китайские и японские шпионы и диверсанты, то этот блокбастер превратится в супербоевик с погонями, убийствами и любовными приключениями на полу товарного вагона... Если, конечно, такой фильм еще не снят... Но в этом автор не уверен. Кажется, он уже видел нечто подобное в фильме под названием «Русский кофе».

По этой причине автор продолжил свои многолетние изыскания. Ведь скоро придет ответ из Госархива Мурманской области, который положено отправлять в простом почтовом конверте и только через месяц после обращения в архив. Таковы правила, установленные в ФСБ для своего архивного подразделения. Ведь сотрудники спецоргана за две недели должны проверить всю подноготную заявителя. Кто он по национальности, по происхождению и кем работал до августа 1991 года и после этого. Был ли замешан в уголовной и противоправной политической деятельности... И хотя сейчас кругом компьютерные и цифровые технологии, архивная работа начинается только после этого. Да неделя уйдет на поиски в шкафах и ящиках архивных отделов нужных заявителю документов...

Но как только автор подумал об этом, увидел в e-mail новое сообщение. Не подозревая, от кого оно, автор открыл электронную почту и прочитал письмо следующего содержания:

«Уважаемый Валерий Александрович!

Обращаю Ваше внимание, что документы Государственного архива Мурманской области доступны для изучения в автоматизированной информационной системе по документам архивного фонда Мурманской области (АИС ДАФ МО), работать с которыми Вы можете самостоятельно удалённо через сайт госархива. Ознакомьтесь с принципами работы АИС ДАФ МО Вы также можете через сайт госархива в разделе «Электронный читальный зал» с помощью видеoinструкции.

Помимо этого, сообщаю Вам, что кроме резолюции собрания корейцев об эвакуации у нас есть протокол еще одного собрания, где обсуждаются технические подробности эвакуации и есть списки корейцев, проживавших в г. Мурманске.

Интересны ли Вам эти документы?

Тема Вашего запроса отчасти пересекается с моими научными интересами: я занимаюсь историей китайцев, работавших на строительстве Мурманской железной дороги и живших на Кольском полуострове в период с 1916 по 1940 г.

В связи с этим у меня к Вам встречный вопрос: не сталкивались Вы, работая по своей теме, с какими-либо китайцами, в чьих биографиях были мурманские «страницы»? С наилучшими пожеланиями, начальник отдела научного использования и публикации архивных документов Государственного архива Мурманской области

Д. Е.

Автор не знал, что и думать, получив такой ответ! С одной стороны, вместо копий документов ему прислали всего лишь ответ на его письмо. Но с другой стороны – этот ответ многого стоит. Д.Е. занимается изучением архивных документов, связанных со строительством Мурманской железной дороги, а не просто хранит их в фондах архива, в описях и листах... Поэтому есть надежда на то, что вскоре автору поступят и копии нужных ему бумаг.

Придя к такому выводу, автор написал Д. Е. ответ. В том числе и о том, что лично знаком с потомками одного маньчжурского китайца, расстрелянного в Ойрот-Туре в начале 1938 года.

5

Мурманский архивист Д.Е. в своем втором сообщении написал, что у них в архиве есть несколько документов, связанных с корейцами. Во-первых, два протокола за 1920 год об «эвакуации» из Мурманска в Тюмень на войну с японцами. Под этими протоколами стоят подписи, сделанные иероглифами. И во-вторых, сохранились списки всех корейцев, проживавших в Мурманске в 1920 году. Может, они также представляют интерес для изучения?..

Да – представляют! Ведь, просмотрев еще раз протоколы ойротских корейцев, автор пришел к выводу, что некоторые из них работали в самом Мурманске до 1921 года. Вероятнее всего, в порту или на участке железной дороги. Например, об этом записано в протоколах допроса Ким Чун Ха, Ли Ки Ха, Хо Бо Ни, Ким Он Гена. Правда, последний в конце 1917 года вместе с китайцами выехал из Мурманска в Петроград – в отличие от других корейцев, оставшихся в Мурманске. Но возможно, что в протоколах, не просмотренных автором, также упоминаются Мурманск и 1920 год.

Автор написал Д.Е. о том, что все архивные документы, связанные с корейцами, представляют для него большой интерес. Поэтому он просит их скопировать и выслать по почте или через Интернет в Новосибирск. Он готов заплатить за эту работу столько, сколько требуется...

Кроме того, автор в своем письме добавил, что многие китайцы, работавшие на строительстве Мурманской железной дороги, после Гражданской войны остались жить на юге Алтайского края. Работая, в основном, в сельском хозяйстве. Но в 1937–1938 гг. их почти всех расстреляли или отправили в концлагеря. А на их место в опустевшие колхозы в 1940 году прислали ссыльных китайцев из Мурманской области...

Через несколько дней пришел счет за копирование архивных документов. Он был вполне приемлемым для пенсионера. Поэтому автор тут же побежал в банк, перевел деньги на счет мурманского архива и с нетерпением стал ждать копии документов.

Еще через день пришли и сами сканы из Мурманска на 14 листах. Из них один лист был со списком корейцев, собравшихся выехать из Мурманска на войну с японцами, а также места их работы в Мурманске. На двух листах были подписи этих корейцев на ханче и на хангыле. Придется автору с ними поговорить, прежде чем он переведет их!..

Просмотрев все сканированные листы, автор пришел к следующему выводу.

Всего в Мурманском крае в 1920 году зарегистрировано и работало на разных участках Мурманской железной дороги 372 корейца. Но это были те, что не поехали «делать революцию» в Петроград после Октябрьского переворота. Ведь они не знали, чем эта революция закончится, а потому решили переждать ее до лучших времен, которые, к сожалению, для корейцев не наступили.

Летом 1918 года в Мурманске высадились английские войска, оккупировавшие порт и отрезавшие железную дорогу и Кольский полуостров от России. Среди оставшихся в Мурманске корейцев были Ким Чун Ха и другие бывшие инсургенты.

Интервенция закончилась в марте 1920 года. Англичане добровольно покинули Мурманск, и он был занят частями Красной армии. Сразу же возобновили работу органы советской власти, и началось движение поездов по Мурманской железной дороге. Корейцы, остававшиеся в Мурманске, как работали при англичанах на разных участках дороги, так и продолжали работать при большевиках. Но многие из них собрались ехать в Тюмень на войну с японцами. Таких набралось 82 человека.

Весьма возможно, что для некоторых корейцев эвакуация из Мурманска в Сибирь была лишь поводом для того, чтобы вернуться на Дальний Восток. Но сделать это можно было только с частями Красной армии, ведшей бои с колчаковцами в Сибири. Тем более что из Тюмени пришло известие, что 225-й Китайский интернациональный полк нуждается в пополнении добровольцами. Видно, при

взятии Тюмени много было погибших и раненых среди китайских и корейских интернационалистов.

Западная Сибирь в 1920 году считалась вполне благополучным и богатым краем – по сравнению с голодом, царившим в европейской части России. Ведь Тюмень являлась купеческим городом, мало пострадавшим от Гражданской войны. Она была освобождена от колчаковцев еще в августе 1919 года, и в ней советская власть вполне укоренилась.

* * *

16 мая 1920 года в Мурманске состоялось собрание корейских рабочих, на котором они потребовали вывезти больных и ослабленных рабочих с Кольского полуострова (Колы) для последующего их вступления в корейскую интернациональную часть, находящуюся в Тюмени. В протоколе того поистине исторического собрания было записано:

«Ввиду того, что образовавшаяся в Сибири корейская революционная армия призывает нас к объединению для борьбы против японских насильников, мы осознаем серьезность момента и готовы идти, как один человек, на призыв и объединенными силами помочь нашим братьям корейцам, терпящим гнет и проливающим кровь в неравной борьбе с японскими захватчиками!

Настал час, когда мы смело можем идти вперед, чтобы навсегда изгнать проходимцев-узурпаторов и восстановить в стране справедливость и покой!

Да не будет политической гегемонии Японии на Дальнем Востоке!

Не теряя времени напрасно, надо действовать единодушно и энергично; слово «завтра» вычеркнуть, будем жить сегодняшним днем, ибо этот час больше не настанет для нас!

Да здравствует великая революция на берегах Тихого океана!

Да здравствует справедливость и мир!

Да здравствует политическая самостоятельность Кореи!!

*Председатель (собрания): Пак Кан Ок
Члены собрания: Ким (и др. подписи)*

Дрожь берет при прочтении этого документа! Видно, Пак Кан Ок, составивший этот документ, был литературно одаренным человеком! Правда, вряд ли он мог каллиграфическим почерком этот документ написать. Видно, за него это сделала русская секретарь – весьма грамотная женщина. Даже знаки препинания она расставила по всем правилам старой орфографии!

Вот только «срочная эвакуация» растянулась на

много месяцев, так как с отъездом корейцев на войну некому было бы работать на разных участках Мурманской дороги и порта. Видно, корейские рабочие ценились гораздо больше, чем неграмотные маньчжурские китайцы. Но из присланных документов неизвестно, уехали или нет корейцы в Тюмень.

Что касается списка на эвакуацию, то в нем автор не нашел ни одного имени ойротских корейцев. Объяснить это можно тем, что список был составлен на больных и нуждающихся в лечении в Тюмени. Чтобы этот отъезд не состоялся, властям Мурманска пришлось пообещать увеличение продовольственного пайка и другие улучшения быта и работы корейцев.

Но возможно, что эвакуация все-таки состоялась осенью 1920 года. И среди отправленных из Мурманска в Тюмень были не только больные и слабые, но и бывшие инсургенты, имевшие большой опыт партизанской войны с японцами. Можно надеяться, что их имена записаны в общем списке работавших в Мурманске корейцев. Надо только этот список перевести на русский язык. Что, конечно, для автора является большой проблемой. Слишком уж много в нем имен и на ханче и на хангыле...

С помощью сайта «Открытый список» автор нашел информацию об одном корейце из списка на эвакуацию. Его звали Пак Мен Су (1894 г.р.).

Сказано об этом человеке очень мало. Родился он в Корее. Без подданства. То есть ни советский, ни японский подданный. Возможно потому, что японское подданство не хотел брать по идейным соображениям, а советское «не заслужил». Вероятно, не был коммунистом. Работал в Якутии на прииске Малый Куранах в Алданском районе. Был арестован в 1937 году как японский шпион, но потом освобожден за недоказанностью обвинения. Так поступали с корейцами только в Якутии. Ведь условия работы на якутских приисках были не лучше условий концлагерей. К тому же советской стране для будущей войны с немцами и японцами требовалось много золота.

Нашелся также кореец с очень похожим именем. В списке на эвакуацию он записан как Пак Пен Су, а на сайте «Открытый список» как Пак Пен Чу (1887 г.р.). Весьма возможно, что это один человек. Тем более что он нашелся среди заключенных концлагеря в Архангельской области. В 1937 году был арестован, а в 1939 году умер в концлагере.

Пак Пен Чу родился в Корее в городе Хворён. Этот город расположен в провинции Хамгён-Пукто у реки Туманган – на границе с Маньчжурией. По возрасту и по месту рождения Пак Пен Чу мог быть корейским инсургентом.

Значит, автор на правильном пути. Найти бы еще третьего!

И третий действительно нашелся.

Им оказался Цой Су Вон (Бон в списке на эвакуацию). Родился в 1894 году в Корее в селе со странным названием Ванчио-Таконец. Перед своим арестом проживал... в Тюмени! Работал молотобойцем на станкостроительном заводе. Арестован и расстрелян в 1938 году. Весьма возможно, что тоже был бывшим инсургентом и работал в Мурманске до 1921 года.

Может, еще и четвертый найдется?!

Нашелся – Ким Чан Хо (1888 г.р.). В списке на эвакуацию записан как Ким Чан Фо. Родился в Южной Корее, в приморской провинции Кёнгсандо. Был выслан в 1937 году из Дальневосточного края в Киргизскую ССР. Расстрелян в 1938 году. Возможно, как бывший корейский инсургент и участник Гражданской войны в России.

Есть и пятый кореец, эвакуированный из Мурманска в Тюмень. Звали его Ли Ен Хо (1896 г.р.). И в списке на эвакуацию записан так же. Этот кореец родился в Южной Корее в уезде Дон-чен (Донхэ) провинции Канвондо – на берегу Восточно-Корейского залива. Жил в Хабаровске и учился в вузе. В 1937 году отправлен в Кустанайскую область Казахстана. В 1938 году расстрелян.

Следует отметить, что в Мурманске записи фамилий и имен – судя по всему – делала русская женщина красивым каллиграфическим почерком. Но записывала она корейские фамилии и имена, вероятно, со слуха, а не из документов. Вряд ли документы у корейцев были. Ведь корейские паспорта отбирали при отправке с Дальнего Востока, заменяя их общим списком, который во время революции наверняка затерялся. По этой причине некоторые корейские имена и фамилии очень трудно понять. Даже компьютер не смог это сделать! Но и такой результат – очень хороший результат!

Правда, сохранились корейские подписи всех мурманских корейцев из списка на эвакуацию. И когда-нибудь автор их сможет прочитать. Вот только неизвестно когда. Ведь среди этих подписей нет имен и фамилий ойротских корейцев.

Всего с помощью Интернета нашлись следы 16 корейцев, которые могли работать в Мурманске, а потом уехали на войну с японцами в Сибирь. Правда, один из них (Пак Пен Су) не доехал до Тюмени и по каким-то причинам остался в Мурманске или в Архангельске. Но и в этом случае можно считать, что эвакуация корейцев в Тюмень и война с белогвардейцами и японцами для них состоялась и некоторые из них дожили до окончания Гражданской войны. Судьба же других для

автора осталась неизвестной. Возможно, что они погибли на Гражданской войне, умерли от ран в госпиталях или просто не дожили до времен сталинских репрессий.

Кроме того, внимание автора привлекла телеграмма следующего содержания среди мурманских архивных документов:

УПРАВЛЯЮЩЕМУ ПОЛИТОТДЕЛА
КОРРЕВКОМА КИМ-ПЕН-ОК.
КОПИЯ ПРЕДИСПОЛКОМА. КОПИЯ
ПРЕДСТАВИТЕЛЮ НАРКОМИНОТДЕЛА.
«РАЗРЕШАЮ К ОТПРАВКЕ Л. КАРАХАН ПО ВСЕМ
АДРЕСАМ ВАШУ
ТЕЛЕГРАММУ 3 ИЮЛЯ ПОЛУЧИЛ ТЧК ВСЕ
СДЕЛАНО ДЛЯ УСКОРЕНИЯ
ЭВАКУАЦИИ ТЧК ОДНАКО ВВИДУ ОСТРОЙ
НУЖДЫ РАБОЧИХ И
НЕВОЗМОЖНОСТИ ЗАМЕНИТЬ В НАСТОЯЩЕЕ
ВРЕМЯ НАШИХ
ТОВАРИЩЕЙ ДРУГИМИ РАБОЧИМИ ПРОШУ
ВАС УБЕДИТЬ ИХ НЕ
НАСТАИВАТЬ НА НЕМЕДЛЕННОЙ ЭВАКУАЦИИ
ТЧК ЕСЛИ ИХ
МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ТЯЖЕЛО ТО
БУДУТ ПРИНЯТЫ ВСЕ МЕРЫ УЛУЧШЕНИЮ ЕГО
УВЕЛИЧЕНИЕМ ПАЙКА И ДРУГИМИ
СПОСОБАМИ ПО СОГЛАШЕНИЮ С МЕСТНЫМИ
ВОЙСКАМИ ТЧК
СОБЫТИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ ПОКА ЕЩЕ
НЕ ТРЕБУЮТ СРОЧНОЙ
ЭВАКУАЦИИ КОРЕЙСКИХ ТОВАРИЩЕЙ ТЧК
НАШИ ИНТЕРЕСЫ ЗДЕСЬ
ПРИНИМАЮТСЯ БЛИЗКО К СЕРДЦУ НО ПОКА
МЫ СТОИМ ПЕРЕД
ТЯЖЕЛОЙ НЕОБХОДИМОСТЬЮ В ИНТЕРЕСАХ
РЕВОЛЮЦИИ ВРЕМЕННО
ОТСРОЧИТЬ ЭВАКУАЦИЮ ТЧК
ПРЕДСТАВИТЕЛЬ КОРЕЙСКОГО ВРЕМЕННОГО
ПРАВИТЕЛЬСТВА ХАН-ХЕН-
КУОН. ЗАВ ОТДЕЛОМ ВОСТОКА
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

В этом сообщении внимание автора привлекли два корейских имени: Ким Пен Ока и Хан Хен Куона. Может, они тоже отправились на войну с японцами?

Да – Ким Пен Ок в Интернете нашелся. Правда, в 1920 году ему было всего... 15 лет. Может, он ввел в заблуждение следователей НКВД при своем аресте в 1936 году? И такое возможно! Ведь разобраться в возрасте корейцев очень трудно. Они могут в 40 лет выглядеть как в 20, а в 60 – как в 30...

Весьма возможно, что Ким Пен Ок родился не в

1905 году, а в 1900-м. Тогда ему в 1920 году было 20 лет. Вполне достаточно, чтобы руководить Политотделом Корейского Революционного Комитета Мурманска. Ведь был же командиром полка ЧОН в 16 лет Аркадий Голиков! И чем кореец хуже?! Ким Пен Ок родился все в той же провинции Хамгён-Пукто – в селе Сохактон. На момент своего ареста в 1937 году проживал в Посьетском районе Приморской области. Осужден на 5 лет ИТЛ. Данных о дальнейшей жизни в архиве Приморского края не имеется.

Что касается представителя Временного корейского правительства Хан Хен Куона, то такой человек в Интернете не нашелся. Зато нашелся другой – Хан Хен Гвон. Весьма возможно, что это один человек. Ведь записать по-русски корейское имя очень сложно. Оно может трактоваться весьма широко.

Так вот: Хан Хен Гвон был избран от Временного корейского правительства членом ЦИК Коммунистического Интернационала. То есть он был крупным корейским политическим деятелем. В Интернете размещено письмо этого представителя уполномоченному Народного комиссариата по иностранным делам РСФСР Я.Д. Янсону от 29 мая 1920 года. То есть в то же время, когда решался вопрос об эвакуации корейцев из Мурманска.

В письме Хан Хен Гвона говорится о том, что Временное корейское правительство просит организовать краткосрочные командные курсы для молодых корейцев в количестве 80 человек на территории Сибири. В частности, в Иркутске, где работает Сибирский революционный комитет. Весьма возможно, что эвакуация корейцев из Мурманска в Тюмень проходила с разрешения и, возможно, под руководством Хан Хен Гвона. По крайней мере, из его телеграммы представителям Корревкома Мурманского края это следует.

Кроме того, не исключено, что корейцев в Тюмени не отправили сразу на фронт, а после излечения переправили в освобожденный Иркутск для военной подготовки. Поэтому и обращался Хан Хен Гвон к советскому правительству с этой просьбой. Ведь количество корейцев, зачисленных на командные курсы, почти совпадает с количеством мурманских корейцев, записанных на эвакуацию в Тюмень.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Тема участия бывших корейских инсургентов и политических эмигрантов из Кореи в строительстве Мурманского порта и Мурманской железной дороги является до сих пор «историей с открытым финалом». Казалось бы, раз не найдены документы с приказом об отправке этих корейцев в Архангельск и в Романов-на-Мурмане, то нет и темы для исторических изысканий. Но так было до весны 2019 года, когда президент В.В. Путин снял свой указ о секретности советских исторических документов.

То, что многие корейцы, расстрелянные в 1938 году в Ойротии (Горном Алтае) и в Алтайском крае, участвовали в строительстве Мурманской железной дороги, стало известно еще в середине 1990-х годов. То есть тогда, когда по приказу председателя КГБ В. Бакатина и президента СССР М. Горбачева были рассекречены архивные документы, связанные со сталинскими репрессиями. Но на то, где находились репрессированные корейцы до Октябрьской революции, российские историки не обратили внимание. Или обратили, но не стали поднимать эту тему для своих исследований. Или им запретили это делать «компетентные органы».

Эта тема вновь всплыла в 2019 году. Вот только заниматься этим расследованием сейчас стало очень сложно ввиду того, что дети расстрелянных корейцев в основном умерли, а их русские потомки не хотят «ворошить» эту тему по личным причи-

нам. С этим автор столкнулся тогда, когда искал в Горном Алтае и в Томске этих потомков.

Что касается российских историков-корееведов, то большинство из них с сомнением относятся к «мурманской» теме. Возможно, им не хочется ехать в дальний и очень холодный город на краю земли российской для работы в мурманском архиве. А сами мурманские архивисты мало что знают о корейцах на Мурмане. Тем более что они просто не понимают, как отличить маньчжурских корейцев от корейцев из японской Кореи.

Правда, в следственных «делах» некоторых ойротских корейцев записано, что они находились в Архангельске некоторое время. Может, стоит поискать следы этих корейцев в Госархиве Архангельской области? Ведь сто лет назад это был губернский город с относительно большим населением. И интернированные из разных мест Российской империи в Архангельской губернии были. Целых 800 человек! И нет гарантии того, что кроме немцев, евреев, австро-венгров там не было интернированных корейцев, заподозренных в шпионаже и в диверсионной деятельности в Маньчжурii (на КВЖД) и в Приамурском крае...

Автор очень надеется на то, что архангельские историки проявят интерес к этой давно забытой теме и извлекут на свет божий исторический документ, объясняющий, почему корейцы из японской Кореи были отправлены на самый Край Света...

□

Валерий Александрович КИМ (Врождественский)

родился и живет в г. Кемерово.

Бывший научный работник,

преподаватель университета,

педагог дополнительного образования.

Много лет занимается расследованием причин

расстрела корейцев в Ойротии в январе 1938 г.

Несколько статей на эту тему опубликовал на сайте «Корё сарам».

Рассказы и одна пьеса опубликованы в кузбасских журналах

«Союз писателей» и «Огни Кузбасса» под разными псевдонимами.

В журнале «Севере» публикуется впервые.

